

г. Москва
Театры - режиссура
к 40-летию Победы

Сов. культура, 1984, июль, №13

СВЕТ ПАМЯТИ

Мынешний театралный сезон особо примечательный и своеобразный. Он отмечен памятью, извечной и неугаемой, сокровищницей памяти о Победе советского народа в Великой Отечественной войне. От театров, обращающихся к теме войны, мы ждем спектаклей, предельно правдивых, потрясающих сердца и умы, спектаклей о ратном подвиге солдат и офицеров, о мужестве и долготренингом трумении тыла.

Драматургия и сцена накопили немалый художественный опыт в изображении войны. Все последние годы в центре внимания стали постановки мужские прозаические о войне: «Степная» Л. Дюнова, «Фронт» А. Нернейчука, «Русские люди» и «Четвертый» М. Симонова, «Абрамидинца» А. Саввинского, «Вечное имя» В. Розова. Их постановки «подбирала» проза М. Шолохова, А. Фадеева, Ю. Бондарева, В. Васильева и другие писатели, расширявшие рамки военной проблематики. Хочется, чтобы театры, обращаясь к тому, что раньше ставилось и инсценировалось, в то же время нашли новые формы всех нас волнующие темы, обвечно и вечно актуальные истоки поведения народного в годную суровых испытаний. Отсюда, что в драматургии ныне приходят новые писатели — и те, кто знает войну, и совсем молодые. 30—40-летние авторы, не знавшие военной страды, но сумевшие сказать о ней свое прониновенное слово. В числе первых — Вячеслав Иондратьев, фронтмен, подвигавший писать прозу, по его повести «Садки» и «Отпуск» по раннему много театры создали запоминающиеся спектакли. Сейчас МХАТ режиссурует первую пьесу этого драматурга — «Война и любовь». Значимый. Среди молодых особенно заметен Алексей Дударев, выступивший с пьесами «Порог» и «Вечер». Этим летом он передал Малому театру пьесу драму «Рядовые», глубокую волнующую своей поэтической правдой.

Обращение молодых драматургов к этой теме хочется особенно приветствовать. Не впадая в войны, они оценивают ее «взглядом сквозь годы», вносят в ее изображение свое свежее, неординарное видение. Я. Тобоякин, например, стремится в своей пьесе «Ранним» пролонгировать мост от «серовых ровных» к нашим дням.

Ныне театры Москвы одна за другой выпускают новые спектакли о войне.

В Театре им. Гоголя завершается работа над спектаклем «Победа», создаваемым по одноименному роману А. Чакского. В Центральном детском — поставлена пьеса В. Астафьева «Прости меня», написанная писателем по мотивам своей повести «Слеза». Этот спектакль завоевал прочный успех у зрителей.

В Театре имени Моссовета идет трагическая драма И. Грековой и П. Лукина «Валовой парход» (по одноименной повести И. Грековой). Пьесист сполна передает атмосферу коммункалы. Хлопая на стене, обильный стол в кухне, зеркальные, умывальники, ванна и привмысы. И комнаты, как каюты на парходе, одна, другая, третья. Все по пять. И пять вдов. Память «валовой пархода» серого, мышиного цвета и в годы войны, и в послевоенные. Хлопая на стене, в Москве. Бомбожки. Очередь в магазинах. Возвращение с фронта Алфиса Гроновой, а потом ее мужа Федора. Сорры, коммунальные бурные страсти и шеромирня.

Да, в спектакле жестоким и откровенным, поставленным молодым режиссером Г. Яновским, отчетливо слышится nostalgia по тому времени, когда в коммуналке жила все как одна семья и надежда со всеми одновременно. Всех закружила война, объединяла и собирала,

одних уводила навсегда, других приводила в дом. Не отпустил, если скажу: в лице Г. Яновской мы имеем дело с актуальным постановщиком. Образы «Валового пархода» раскрываются в бедн-вечности, в жизни горьковатой, библей, боевой. Тяжелой жизни. Я не хочу сказать, что в спектакле все совершенно и устойчиво. Обшир рисунок выдвиг, актеры играют с волевой открытой силой. Однако что-то недоговорено, остается немая, немая и мешает повять драму полностью.

В самом трудовом положении оказалась О. Остроумова — исполнительница ключевой роли Алфиса. В повести исторически подробно подается образ ее сына — Вадима. Как он рос в Доме ребенка, в школе, как поступил в институт и бросил его, губила и хамил матеря. В спектакле же Вадим подается как лицо непонятное. Ходит. Мечтает. Сидит. Потерпевших спешных вступает в диалог. Для зрителей Вадим (А. Сергеев) остается персонажем загадочным. Трудно повять его функцию, что осложняет положение актрисы, играющей Алфису.

В основных сценах О. Остроумова пластична и трогательна. Тихо, обесшумленная, обожженная войной, подается Алфиса в коммуналке. Маленькая да еще «брюхатая», в потропанной шинельке. До войны счастье жила она с мужем

Федором. Работала на одном заводе. Ушла об на фронт. Федора война забросила в неведомую куда. Не писал. Посчитала погибшим. А Алфиса просала героиней, выхаживала солдат. Полюбила одного удалого молодца из раненых. Божий и красивый. От него-то и забеременела. Вдова не ждала, а развелась много. Родился сын — Вадим. Ему четыре года было, когда вернулся Федор.

Федора коммуналка приваляла. У него установились трогательные отношения с соседкой Ольгой Ивановой, он ей доверял, «тужусь и жей. Война стьяла у нас все: семью, здоровье. Это как-то их сблизжало. А коммуналка все видит. Сулит. Ждет. Так развешивается на «пароходе» трогательный...

А то же Андрей! Остроумова играет мучительную боль. Со слобой, неистовую, с припадками отчаяния. Когда узнала, что Федор сказал про нее: «Душит она меня, сжалась, от обиды, кинувшая на всех, и прежде всего на Ольгу Иванову, которая, всегда была близка была к ней, вырвала, подняла на ноги Вадима. Раскулачилась, расшумелась коммуналка. А Федор (Ю. Кузьменков прекрасно передает изюмы этого сложного характера) ушел в себя, злится и опустился. Пошла под трамвай. Погиб.

Уже через много лет вестник Алфису фронтной товарищ — Замлолит (В. Шурупов чрезвычайно координат в этой роли). Он одолев, вспомнил об Алфисе, захел. А она не знает, как себя вести от радости. Остроумова в этой сцене играет «взвешивая» час своей истраившейся перилит. Но счастье обрела, омертвела Вадим. Опять сжалась, будто замерла Алфиса. «Ну и фрукт же ты, Вадим», — сказала Замлолит и ушла. Так я не сдалась судьба Алфиса.

У спектакля колдовская композиция: завлека людей приходит с холоним Алфиса, сияют черное покрывало с зеркальца. Финал — слезы, прояснение Вадима. Это, может быть, и оправдано. Но оправдан ли этим Вадим? В повести ясно, что в гибели Алфисы виновна не вступившая в нападении Алфиса. Режиссура не хочет так прямо винить Вадима, он как бы вписывается в ансамбль «валового пархода» неопределенной личностью — то ли это блудный сын, то ли свой человек, род-

НЕУГАСИМЫЙ

ной, отстраненной. Боясь, судит—возможно, здесь теплее, чем в повести, но опущение недоговоренности, непоследовательности от спектакля остается.

Хочется сказать подробнее об актрисах, на пачках которых держится спектакль. Пожаду, лучшей работой можно считать образ Каши, сыгранной Т. Востовой. Актриса по-кустодевски сочно рисует характер простой женщины с лицом миловавшим и явочным». Капитолина бывает едкой, несправедливой, прижимистой, но добра в этой горючке так много, что хватило бы на всех живых и мертвых, она заворачивает внутренней силой своего характера. Высокой похвалы заслуживает и Г. Дашевская в роли Ольги Ивановны. Ее прижимчивость героини, как струна, напряжена, издается и несет в спектакле тему «солнечного лутка», благородного начала, определяющего лейтмотив постановки.

Труднее играть о Н. Тенюхой. Роль Павлы (или просто Пяньки) дана в явном фактически одной краской: Павка всех тиско не любит, она груба, негодная, принимает улажку на «непротисанного», в своем образном языке (она монтер) отнесется к холодам. Актриса старается найти «биографическую» свою Пяньку, но пока ей это не удается. Думаю, что у Э. Бруновской хороший ролевой материал (как спеченчик и в виду которой можно сыграть Аду Ефимовну, бывшую опереточную актрису, живущую своим прошлым), однако исполняясь скучна в однообразии, страдает в фантазии.

Заверная ролью о «Влавыном пароходе», я бы высказала такое замечание: режиссура заметно подчеркивает жесткие игры в коммуналке, тогда как автор повести не раз обращает внимание на добрые и светлые моменты жизни в коммунальях. Между соседями возникает своеобразная родственность... О Пяньке говорится так, когда поставлен телевизор, она стала «общительнее в даже как-то добрее». После того, как потерян Андрей, Ольга Ивановна размышляет: «Ощущение, забытое за много лет, было раздариломе отрядным». Я это подчеркиваю, потому что Г. Яновская частично судит персонажей «Влавыного парохода» слишком жестоко, ей бы следовало быть по-

миче, как бывает, когда мы вспоминаем о людях военной поры. Это не означает снижения уровня правды, нет, правда тех легендарных лет сурова и не нуждается в приукрашивании, но она овеяна мужеством, и самое страшное существует в величии неустыимой Победы.

Я добродушно и с уважением отношусь к спектаклю Тютрина мн. Евг. Вахтангова «Гаренькый». Пьесу написали добывают в драматургии Валентин Крайков, по профессии он врач-кардиолог. Драма пронизана состраданьем и болью за героев. Любовь и смерть, страх и преодоление трусости, духовное мужество и предательство—всему этому мы становимся свидетелем. В спектакле многое получилось, есть яркие сценические образы, художник Ю. Зимова нашла удачную сценическую форму, переднюю конфликтную обстановку. Но в пьесе, по моему, не все до конца продумано. Есть ходы, психологические не мотивированные.

Непонятно, например, пропало лесника, кто он—романтик, как его трактуют в театре, или же «чужой», ставший «своим» и принявший смерть? Не очень ясен Дронин, которого содвигают называют Делентом. Ничего нового автор не смог внести в ситуацию, связанную с пленным.

Спектакль «Гаренькый» поставил Рубен Самплов-маадин. До сих пор мы его звали как актера, а вот—режиссерский дебют. Юные актеры, молодые режиссеры и драматурги, потому и просит объяснений. Сильные стороны пьесы остаются недооцененными, прибалуются свои—от режиссуры и актеров. Хотелось бы посоветовать театру вернуться к постановке, внимательно рассмотреть в каждый поворот сюжета, в движение характеров, в логику диалогов и уже сложившихся и тех, что требуют выверки. В этой теме не может быть проходных мест, следует все довести до законченности и совершенства, тем более что обилие той постановки режиссуры найдены. Зрительно, я уверен, победит этот спектакль, в котором играют почти одни молодые вахтанговцы, смело взявшие на себя трудную задачу—начать сценическую жизнь «Гаренькый».

Мне, пережившему войну, не хватает в спектакле ощущения

неизбежной, зависшей над каждым поэтом роковой опасности.

Это, так сказать, адная, общий фон, создающий напряженную атмосферу. Но в пьесе есть и второй драматический узел, который еще слабо сыгран, упел на второй план. Военврач Шелевель, идя совсем мальчик, ослепший, немой, прооперирован полнотрука (А. Жеребцов), и тот умер. Называет ситуацию по-человечески обостренней. Шелевель не доверит. Создает Пашов прямо говорит, что будь настоящий хирург, он спас бы молодого солдата Васю, а Шелевель его погубит. Какой он хирург? Эта ситуация играна, но как-то бледно, без настоящего внутреннего драматизма. А. Рынченко, играющий Шелевеля, неудачливо, его герою будто бы в неадекват, что тут решать в его судьбу, и жизнь или смерть Васи. В спектакле наиболее сильная линия—лирическая, ее ведут Ана, дочь лесника (В. Новикова), и раненый Василий (М. Новиков). В них бытается жизнь, слова, поступки доходят исполнением ярко, чего не скажешь о некоторых других актерах.

Может быть, мало, но нельзя не сказать: тщательнее следует отнестись к эпизоду Шелевель, например, одет в чистенькую, как в витринах, гимнастерочку, а уже если на нем перод операцией халат, то он безусловно белый, такраха-маленький, отлаженный. Так на фронте не бывало, не могло быть и в госпитале, заброшенном в болотах. Бывало-то нет, их стаяют и сушат на веревках. Где же тут до крахмальной белизны?

Надпись, мои замечания—данного друга вахтанговского театра—помогут представителю самого молодого поколения этого театра, взявшимся за смелый творческий поиск в игровой труд.

Во многом поучителен спектакль «Гарькой брат, Авадь!» Юлию Эндаса, поставленный Е. Завальским (при участии автора) на Малой сцене Театра имени Моссовета. Двадцать лет назад написал драматург эту драму на трех исполнителей, она обшла в менте слепца вострой страны и мира и теперь появилась в Москве. Пьеса внешне очень камерная. Двое мужчин много лет спустя встретились в пригородном кафе. И то, о чем они говорят, что заключено в их диалогах,—целая эпоха, жизнь

протяженностью почти в полвека.

Война. Плен. Предательство. Гадкое. Спрятанное до наших дней.

Спектакль игран на Малой сцене. Все подернуто условно. И в то же время живописно. Шумит море. Сбывающиеся, что актер «бессмертный» отражается в прогнущем реке, что там будет бунбет и несладкая музыка. А тут, в малосенском зале, колеблет вас, на уровне протянутой руки—столик, два стула и буфетная стойка. Актеры обнимают трагизм происходящего, заворачивают вас глубинным проникновением в образы. Их двое. Я—персонаж от автора, поседевший, худенький, одинокий мужчина, с печалью на лице, и Он—крутой, угитный, довольный собой. Странно, почему имеет смысл трех сыновей. Первого играет Вячеслав Бутенко, второго—Юрий Кузьменков, умеющий сказать о том, что и персонажа на домыслил души. Его герой и предал друга, стружка, не выдержала истязаний, испугался. Прощай за харь и мундир вальсовый, за то, чтобы спасти свое шкуру. А тот, которого он предал,—недоростравный: упал в яму, очутился среди трупов, вымог в лес. Актер «срывает» действие, и тут же оба оказываются там, в «теплушке» дожда как за колючей проволокой, и том далеким и трагическом времени. Пауза. Смена тонов. И опять, они перед нами сидят в кафе.

Драма Эндаса философская, условно-метафорическая, она не упреждает проблемы, «разглядывает» персонажей с разных сторон, усложняет нравственные панчи. Он предал друга, тоже хабену горю, попал в Мангунстан, имеет какой-то номер. Но и этот факт исполнял, как шкуру, выдавала себя после войны за пострадавшего. Заметал следы, ибо страгт преследовать его все эти годы.

Это спектакль о психологических последствиях войны в породе, он звучит сегодня как суровый притвор том, кто ради спасения своей душоной идет на предательство Родины, соэствие человеческого.

...Мне хотелось поразмыслить над некоторыми спектакльскими приемами в постановке Побысы. В них есть сильное и слабое стороны. Надеюсь, что театры, готовясь к майскому jubileo, строго будут судить себя и сами и как уроки воспримут частные потери. А на уроках мы учимся.

В. ФРОЛОВ.